

Г. Г. Дилигенский

СЕВЕРОАФРИКАНСКИЕ ГОРОДА В IV ВЕКЕ

(К проблеме города Поздней империи)

В историографии до сих пор уделялось сравнительно мало внимания вопросу о городах западных провинций Поздней Римской империи. Более или менее общепризнанным является положение о кризисе и упадке городов, но степень и характер этого кризиса еще не стали предметом детального исследования. Не изучался специально также вопрос о социально-экономической природе римского города IV—V вв. на западе империи. Между тем выяснение характера позднеримского общества, той роли, которую играли в нем специфически античные социальные институты, вряд ли возможно без изучения истории городов.

Настоящая работа представляет попытку исследовать указанный круг вопросов применительно к африканским провинциям Поздней империи.

В современных исследованиях события периода политического и социального кризиса второй половины III в. и установление домината рассцениваются чаще всего как переломный пункт в истории африканских городов, положивший конец их «процветанию», их поступательному развитию и ознаменовавший начало упадка городской жизни — упадка, характерного для всего периода Поздней империи. «В конце III в., — писал Тутен, — муниципальный режим в Африке был мертв, муниципальная жизнь со времени тетрархии находится в полном упадке»¹. На том же тезисе о полном упадке городской жизни в период Поздней империи, об отсутствии каких-либо признаков экономического оживления в африканских городах настаивает и Хейвуд — автор статьи об Африке в «Экономическом обзоре древнего Рима» под редакцией Тенни Франка².

Следует отметить, что в работах, основанных на детальном исследовании эпиграфического материала, относящегося к IV—V вв., мы не встретим столь крайних выводов. Так, в статье Ван Сикла показан сравнительно широкий размах строительной деятельности в африканских городах в период правления Диоклетиана³. Автор наиболее обстоятельной работы о поздней Римской Африке Уормингтон приходит к выводу, что действительный кризис африканских городов наступил лишь в конце

¹ J. T o u t a i n, Les cités romaines de Tunisie, P., 1896, стр. 365 и 373.

² R. M. H a y w o o d, Roman Afrika, ESAR, IV, Baltimore, 1938, стр. 119.

³ C. E. V a n S i c k l e, The Public Works of Africa in Reign of Diocletian, XXV (1930), стр. 173—179.

IV в. (после смерти Грациана). До этого времени, по его мнению, класс куриалов сохранялся и представлял собой зажиточный слой общества ⁴.

Археологические и эпиграфические данные, относящиеся к различным городам поздней Римской Африки, показывают преувеличенность распространенного представления, что Поздняя империя была временем повсеместного упадка и регресса городов. Этому представлению явно противоречит факт сравнительно интенсивной строительной деятельности в африканских городах, начиная с конца III в. и особенности в 60—70-х гг. IV в. Правда, городское строительство в этот период было по своим масштабам несравненно более скромным, чем во II — первой половине III в., когда в основном сформировались архитектурные ансамбли большинства африканских городов. Однако оно в то же время значительно превышало размеры строительной деятельности в первый век империи. Для периода до 117 г. н. э., т. е. до времени правления Адриана, Тутен смог насчитать лишь девять строительных надписей. Уормингтон насчитывает на территории лишь Проконсульской Африки, значительно меньшей, чем провинция I в., свыше 100 строительных надписей, относящихся к 284—429 гг. ⁵. Между тем первый век империи обычно считается периодом, благоприятным для развития африканских городов ⁶.

Характер строительной деятельности в поздней Римской Африке отличался некоторыми особенностями по сравнению с периодом Ранней империи. В ходе событий периода кризиса III в. общественным зданиям и хозяйственным сооружениям ряда городов был нанесен серьезный ущерб, сколько-нибудь значительные ремонтные работы в этот период вряд ли были возможны. Поэтому в городском строительстве конца III — IV в. важное место занимает восстановление разрушенных либо пришедших в ветхое состояние зданий и ирригационных систем. Наибольший размах восстановительные работы приняли при Диоклетиане, в период правления которого был, в частности, целиком восстановлен город Ралидум, разрушенный во время войн с берберскими племенами ⁷; осуществлялись они и при последующих императорах. Восстанавливались храмы ⁸, городские курии и другие общественные здания ⁹, архитектурные детали форумов ¹⁰, акведуки, бассейны и другие ирригационные сооружения ¹¹, термы ¹², театры ¹³ и даже целые городские кварталы ¹⁴.

⁴ B. H. Warmington, *The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest*, Cambridge, 1954, стр. 30 слл. Cp. Ch.-A. Julien, *Histoire de l'Afrique du Nord*, P., 1951, стр. 231.

⁵ T. Fountain, ук. соч., стр. 152—153; Warmington, ук. соч., стр. 33. Данные Тутена в настоящее время несколько устарели, однако надписи, открытые после выхода в свет его работы, могут лишь незначительно изменить указанное соотношение.

⁶ T. R. S. Broughton, *The Romanization of Africa Proconsularis*, Baltimore, 1929, стр. 111.

⁷ Van Sickle, ук. соч.; CIL, VIII, 20836.

⁸ См., например, CIL, VIII, 17327 (Castellum Ma... в Проконсульской провинции); 26472 (Thugga); 24665 (Albulae); 11932 (Uzappa); IRT, 55 (Sabratha); CIL, VIII, 2388 (Thamugadi); 2656 (Lambaesis).

⁹ См., например, CIL, VIII, 11774 (Mididi); 25520 (Bulla Regia); 26569 (Thugga); ILT, 1538 (Musitana); IRT, 467 (Leptis Magna).

¹⁰ См., например, CIL, VIII, 608; 14346; 2722 и 2735 (Lambaesis); ILAf, 275 (Thurburbo Maius); ILAl, I, 2107 (Madauros); АЕр, 1916, № 96—98 (Thubursicum Numidarum).

¹¹ См., например, CIL, VIII, 2660 и 2661 (Lambaesis); 4224 (Verecunda); 4766 (Macomades); 5335 (Calama); 26568 (Thugga); ILAl, I, 2102 (Madauros); АЕр, 1920, № 15 (Куиккуль); АЕр, 1955, № 55 (Карфаген?).

¹² CIL, VIII, 4645 (Thagora); 4878 (Thubursicum Numidarum); ILAl, II, 595 (Цирта); ILAl, I, 2101 и 2108 (Madauros).

¹³ CIL, VIII, 1862 (Theveste); ILAl, I, 2103 (Madauros).

¹⁴ CIL, VIII, 4878 (Thubursicum Numidarum).

Невозможно, однако, согласиться с утверждением, встречающимся в некоторых специальных работах, что строительная деятельность в поздней Римской Африке ограничивалась почти исключительно восстановлением старых зданий II—III вв.¹⁵ Этот вывод верен лишь по отношению ко времени правления Диоклетиана, когда города, естественно, стремились в первую очередь залечить раны, нанесенные им войнами второй половины III в.¹⁶ Для более позднего периода сохранилось немало эпиграфических и археологических данных о возведении новых значительных по размерам зданий общественного назначения в городах. В столице и крупнейшем городе Римской Африки Карфагене имеется много остатков зданий, датируемых первой половиной IV в.¹⁷ Строительство новых зданий осуществлялось в этот период и в некоторых других городах¹⁸, однако наиболее широкие размеры оно приобрело в 60—80-х годах IV в. Новые термы были построены в Тугге, Thuburbo Maius (летние и зимние), Tubernis, Цезарее и некоторых других городах¹⁹. Имеются данные о строительстве в ряде городов гражданских базилик, триумфальных арок, портиков, торговых зданий и т. д.²⁰

Археологические данные позволяют говорить о значительном росте некоторых африканских городов в IV в. Интересен пример нумидийского города Куикуля. С конца III в. здесь начинаются активные реставрационные работы: чинятся мостовые, сооружается сточный коллектор, восстанавливается акведук, реставрируются многие здания II века. Впоследствии город значительно расширился к югу, заняв целый ранее не заселенный холм. В старой части города также воздвигается много новых домов²¹. Возникает новый торговый квартал²². В 60-х годах IV в. строится здание для торговли одеждой (basilica vestiaria — CIL, VIII, 20156), а на месте развалин храма Фругифера воздвигается большая гражданская (судебная) базилика (Аёр, 1949, № 107). В позднеримский период в Куикуле было построено не менее трех христианских церквей, причем одна из них, законченная в начале V в., была исключительно обширна по своим размерам и имела пять нефов²³.

Пример Куикуля — не исключение. Так, в IV — начале V в. значительно вырос небольшой город и порт Цезарейской Мавретании — Типаса. По археологическим данным, город значительно расширился за пределы городских стен, построенных в конце III или в начале IV в.²⁴ В IV в. была построена базилика, которую один французский археолог характеризует как «наиболее обширное христианское здание античного Алжира». Некоторые постройки IV в. поражают своими размерами, не уступающими наиболее крупным зданиям II — начала III в. Таков, например, Капитолий, заново отстроенный в Тамугади в 60-х годах, длина

¹⁵ Например, T o u t a i n, ук. соч., стр. 364, ср. H a y w o o d, ук. соч., стр. 119.

¹⁶ Ср. V a n S i c k l e, ук. соч.

¹⁷ C.-Ch. P i c a r d, Une schola de college à Carthage, «Karthago», III (1952), стр. 169 сл.

¹⁸ CIL, VIII, 17268 (Zattara); 14436 (район Vaga); Аёр, 1955, № 51 (Мактап).

¹⁹ ILT, 1500; ILAf, 273 и 276; CIL, VIII, 948 и 20990 = 9547; ср. CIL, VIII, 16400 (неизв. город Проконсульской провинции) и ILAf, 321 (Vina); CIL, VIII, 25845; 20267 (Сатафис).

²⁰ См., например, CIL, VIII, 23849 (Castellum Biracsaccarensium); 5341 (Калама); ILAf, 275 (Thuburbo Maius); IRT, 468 (Leptis Magna); ILAl, I, 2103 (Madauros); CIL, VIII, 1860 (Theveste); 14346.

²¹ L. L e s c h i e t Y. A l l a i s, Djemila, antique Cuicul, Alger, 1950, стр. 13—14 и 48.

²² M. D o u è l, L'Algérie romaine. Forums et basiliques, P., 1930, стр. 56.

²³ L e s c h i e t A l l a i s, ук. соч., стр. 50.

²⁴ J. B a r a d e z, Tipasa. Ville antique de Maurétanie, Alger, 1952, стр. 42.

портика которого достигает 62 м²⁵, громадная церковь конца IV в. в Тевесте²⁶.

Следует отметить, что охарактеризованная выше строительная деятельность, восстановление и строительство городских общественных зданий, не ограничивались ни какими-либо определенными районами, ни отдельными наиболее крупными городами. Больше всего строительных надписей конца III, IV и начала V в. происходит из Проконсульской провинции, несколько меньше из Нумидии, затем следуют Бицаена и обе Мавретании²⁷. Эти количественные отношения соответствуют исторически сложившемуся распределению городов между различными районами Римской Африки.

Внешние черты быта и культурной жизни африканского города IV в., какими они предстают в надписях и свидетельствах церковных писателей, также не позволяют усмотреть признаков серьезного упадка. Театральные и цирковые представления — по-прежнему повседневное явление в жизни городского населения²⁸, несмотря на ту ожесточенную агитацию, которую ведет против них христианская церковь. Дети куриалов обучаются греческому языку и красноречию²⁹. Не только в Карфагене, но и в небольших городах, вроде Тагасты и Мадавра, функционируют риторские школы³⁰. Судя по религиозно-полюемическим произведениям Августина, писатели «золотого века» римской литературы пользуются широкой известностью. В больших городах развивают активную деятельность различные философские школы, развертываются бурные философские диспуты. В таких диспутах принимал горячее участие молодой Августин — сын небогатого гражданина Тагасты³¹.

Мы можем констатировать для IV в. не только сохранение внешних форм городской жизни, но и известное материальное развитие африканских городов. Для суждения о предпосылках этого развития известный материал дают сообщаемые надписями сведения об источниках финансирования строительных работ.

Во II—III вв. строительство общественных зданий осуществлялось в большинстве случаев по решению декурионов на городские средства (*decreto decurionum pecunia publica* или *sumptu publico*), а также за счет различных ассоциаций или коллегий граждан. Строительство на частные средства отдельных куриалов в этот период также имело место, но оно не было преобладающим³². Иная картина наблюдается в поздней Римской Африке. Строительство только на городской счет становится теперь исключением³³. Большинство известных нам городских сооружений периода с конца III по начало V в. возведено на средства муниципальных должно-

²⁵ E. Voeswillard et R. Cagnat, *Timgad. Une cité africaine sous l'empire romain*, P., 1892 стр. 54.

²⁶ S. de Roch, *Téessa, antique Theveste, Alger*, 1952, стр. 14.

²⁷ Ср. Warming ton, *ук. соч.*, стр. 33.

²⁸ См., например, August., *Contra academicos* (PL, 32), I, 4, 1; IRT, 564; 567; 568; 578; August., *Serm.*, 11,3.

²⁹ August., *Confessiones*, I, 14, 23; II, 3, 5.

³⁰ August., *Conf.*, II, 3, 5; III, 8, 15; IV, 2, 2.

³¹ Ср. August., *Conf.*, II, 3,5; *Contra acad.*, II, 2,3.

³² Toutain, *ук. соч.*, стр. 162—165.

³³ CIL, VIII, 11774 (Mididi, восстановление здания сената на средства курии); 25520 (*Bulla Regia*); 17327 (*Castellum Ma...* в Проконсульской провинции) — все упомянутые надписи относятся ко времени Диоклетиана; ILA1, I, 2101 (восстановление летних терм в Мадавре *pecunia publica*); IRT, 467 (восстановление в 317 г. в *Leptis Magna* на общественный счет базилики); CIL, VIII, 23849 (*Castellum Biracsaccarenium*). В некоторых случаях источники финансирования строительства: CIL, VIII, 948 (*Tubernuc*); 20990 (*Цезаря*); IRT, 468 (*Leptis Magna*).

стных лиц: кураторов, пожизненных жрецов императорского культа (*flamines perpetui*), дуумвиров, а также отдельных состоятельных куриалов. Курия как коллектив редко выступает в качестве инициатора строительства: чаще инициатива принадлежит лицу, финансировавшему строительные работы, либо правителю провинции³⁴. Указанные особенности в финансировании городского строительства прослеживаются на протяжении всего изучаемого периода в различных районах Римской Африки. Так, строительство за счет куратора известно для городов Проконсульской провинции, например, для Карфагена (АЕр, 1955, № 55), Тугги (IIT, 1500), Zattara (CIL, VIII, 17268=5178) и др. (ср. CIL, VIII, 14346); Нумидии: Тамугади (CIL, VIII, 2388, ср. RAfr, 1913, стр. 163 сл.), Каламы (CIL, VIII, 5335 и 5341), Ламбесиса (CIL, VIII, 18328), Мадавры (ILAI, I, 2107 и 2108), а также для Мавретании (Albulae — CIL, VIII, 21665: *curator et disprunctor rei publicae*). В Тугге (Проконсульская провинция) на средства одного из «пожизненных фламингов» был восстановлен водопроводящий канал (CIL, VIII, 26568) и осуществлено строительство какого-то городского здания за счет дуумвира Напоция Феликса Антониана (CIL, VIII, 26569). Сооружения, воздвигнутые на средства *flamines perpetui*, известны также для Ghardimau (Проконсульская провинция — CIL, VIII, 14728), Curubis (там же — CIL, VIII, 24104), Куикуля (Нумидия — АЕр, 1946, № 107). В Сатафисе (Ситифенская Мавретания) каким-то лицом, имя и положение которого не сохранились в надписи, были построены термы и восстановлена после пожара мастерская (*fabrica* — CIL, VIII, 20267). В Куикуле на средства *vir clarissimus* Рут依ия Сатурнина, очевидно, занимавшего какую-то муниципальную должность (... *pro editione muneris debiti*), была построена базилика для торговли одеждой (CIL, VIII, 20156, ср. 8324). Гражданин Thuburbo Maius Габиний Сальвиан, *patronus almae Karthaginis*, построил в своем родном городе в конце IV или начале V в. зимние термы (ILAf, 276). В Vina (Проконсульская провинция) бывший куратор *rei publicae* Покагуштин украсил термы (ILAf, 321).

В некоторых случаях издержки, производимые частными лицами на строительство общественных сооружений, достигали, по-видимому, весьма значительных размеров. Например, в 323 г. в муниципии Thubursicum Numidarum некий Ноний Марцелл Геркулий, очевидно, богатый куриал, не занимавший определенных должностей в городе, восстановил на свои средства разрушенный во время внутренних войн III — начала IV в. городской квартал, термы и другие разрушенные здания (CIL, VIII, 4878). Надпись из Thuburbo Maius (Проконсульская провинция) посвящена «преданнейшему гражданину» Сальвиану за его заслуги перед городом, в частности, за строительство на собственный счет зимних терм (ILAf, 276). В ряде случаев строительство финансировалось совместно куратором и городом (*curator rei publicae cum ordine*), например, в Thu-

³⁴ Невозможно согласиться с мнением Хейвуда (ук. соч., стр. 119), что для времени Поздней империи характерно главным образом строительство в городах на средства императорского правительства. Лишь весьма незначительная часть строительных надписей отражает непосредственное участие провинциальных властей в городском строительстве, причем речь часто идет о сооружении стен (IRT. 562; 563; 565, 569 — строительство стен Лептиса президами Триполитании в 50—60-х гг. IV в., когда эта провинция подвергалась набегам берберских племен), арок в честь императоров (CIL, VIII, 1860; 14346), статуй (АЕр, 1946, № 108). Те надписи, которые сообщают о строительстве императорскими чиновниками городских общественных зданий, лишь в некоторых случаях позволяют заключить, что строительство финансировалось государством (АЕр, 1916, № 96—98; CIL, VIII, 2656, 2735, 25845). Во многих случаях правитель провинции выступает лишь как инициатор строительства либо дедикант, а работы финансируются городскими магистратами (см., например, CIL, VIII, 2388, 20156; АЕр, 1946, № 107; АЕр, 1955, № 55; АЕр, 1917/18, № 58; АЕр, 1920, № 15).

burbo Maius (ILAf, 273 и 275), Mustis (ILT, 1538), Мадавре (ILAI, I, 2102 — cur. rei p. cum ordine splendido et universo populo), Мактапе (АЕр., 1955, № 51 и 52)³⁵.

Весьма интересный материал для характеристики внутренней жизни африканских городов в IV в. содержат надписи, поставленные в честь отдельных магистратов. Они показывают, что представители экономически наиболее сильных городских семей, занимавшие различные почетные должности в муниципиях, довольно активно участвовали в жизни своих городов, осуществляя разного рода литургии и пополняя из своих средств городские кассы. В городе Saradi (Проконсульская провинция) ordo et populus поставили надпись в честь куратора Марка Валерия Целиана за проявленную им заботу о республике и народе в условиях скудости городской казны (in fisci penuria) (ILAf, 210). Сохранился ряд подобных надписей из Leptis Magna. В одной из них восхваляется любовь к своей родине и согражданам римского всадника, куратора республики Луция Домиция Юста Эмилиана (IRT, 561). Другая поставлена в честь одного из flamines perpetui, имя которого не сохранилось (IRT, 581). В одной из надписей говорится об услугах, которые оказывал родине и согражданам flamen perpetuus, жрец и дуумвир Вибий Аниан Реминий, об устройстве им различных развлечений (voluptates — IRT, 578). В четырех надписях из Leptis Magna прославляются заслуги представителей семейства Гераклиев, отправлявших различные почетные культовые и административные должности в городе и провинции Триполитании. Один из них, Тит Флавий Фронтин Гераклий, augur, sacerdos Laurentium Labitantium, устраивал на свои средства различные развлечения (IRT, 564). Другой член этой семьи, дуумвир, sacerdos provinciae Tripolitaniae, flamen perpetuus, куратор республики, sacerdos Laurentium Labitantium, sacerdos Matris Deum, praefectus omnium sacrorum, Тит Флавий Вибиан, также устраивал публичные игры, для которых доставил 10 «ливийских зверей», и оказывал другие благодеяния своим согражданам (IRT, 567 и 568).

Приведенные данные позволяют более конкретно поставить вопрос о природе известной интенсификации городской жизни в поздней Римской Африке. В основе этой интенсификации лежало не укрепление экономического положения основной массы городского населения или муниципальной организации в целом, но главным образом литургическая деятельность городских магистратов.

Внешние признаки городской жизни: количество строительных работ, степень развития литургий и т. п. являются лишь косвенным отражением тех внутренних социальных отношений, которые определяли существование античного города³⁶. Поэтому вопрос о «подъеме» или «упадке» городов не может быть решен только на основании такого рода данных. Решающее значение для выяснения подлинного состояния городов и тенденций их развития имеет исследование той совокупности социально-экономических явлений, которая характеризует городскую жизнь в данный исторический период.

Изучение социальных отношений в городах чрезвычайно затруднено из-за ограниченности данных источников. Эпиграфический и юридический

³⁵ Ср. СІL, VIII, 16400 — неизвестный город Проконсульской провинции.

³⁶ В подавляющем большинстве западных исследований история провинциальных городов сводится к той или иной степени «просперити» либо упадка, определяемой главным образом при помощи подсчета строительных и посвячительных надписей. Эта методика характерна и для цитированной выше работы Уормингтона. В главе, посвященной африканским городам IV—V вв., автор лишь бегло касается вопроса о социальных отношениях, совершенно не связывая его с развитием городов.

материал содержит лишь весьма косвенные сведения, с другой стороны, мы не располагаем для африканских городов таким богатым литературным источником, каким являются, например, для Антиохии того же периода речи Либания.

Некоторый материал для характеристики внутренних отношений в городах дают произведения Августина, в особенности его «Проповеди» (*Sermones*). Хронологически *Sermones* относятся к периоду епископской деятельности Августина в Гиппоне-Регии (395—430 гг.). Представляя собой проповеди, произносимые епископом в городских церквях, они, в отличие от других произведений Августина, были обращены непосредственно к широкой массе верующих, принадлежащих к городскому населению. Значительное место в проповедях занимают проблемы христианской этики и морали, причем примеры, необходимые для иллюстрации выдвигаемых им тезисов, Августин, естественно, черпает из условий жизни своей аудитории. Например, осуждая стяжательство, любовь к мирским благам, он в ряде случаев конкретизирует, в чем именно проявляются эти греховные качества у его паствы. Проповедуя любовь к ближним, он указывает, в каких поступках должна выражаться эта любовь у граждан его города и, таким образом, неизбежно затрагивает вопрос о взаимоотношениях различных групп городского населения. Важное значение имеет в этой связи то обстоятельство, что большинство жителей Гиппона были в данный период христианами³⁷. Поэтому примеры, приводимые Августином, нельзя считать относящимися лишь к какой-то незначительной части населения города.

Необходимо вместе с тем учитывать ограниченность и односторонность такого рода данных «Проповедей». Во-первых, социальные отношения в городе отнюдь не находятся в центре внимания Августина, но лишь используются им главным образом как иллюстративный материал при толковании тех или иных мест священного писания. Далее, в «Проповедях» в полной мере сказываются социально-политические позиции этого крупнейшего христианского писателя поздней античности: признание им законности и справедливости существующего общественного строя. Будучи далек от осуждения социального и имущественного неравенства как такового, Августин выступал лишь против эксцессов во взаимоотношениях между «сильными» и «слабыми», рекомендовал богачам не притеснять бедняков, но заботиться о них через посредство церкви, а бедняков призывал не завидовать богачам, проявлять терпение и кротость. Подобные высказывания в какой-то мере отражают реальную картину внутренних отношений в городах, но в то же время они свидетельствуют о стремлении Августина принизить значение социальных противоречий внутри христианской общины, свести их к чисто этическим проблемам. Понятно, что эта тенденция оказывала определенное влияние и на самый характер трактовки им этих противоречий. Осуждая насилия и несправедливости, совершаемые «сильными», Августин совершенно не склонен связывать их с социальным положением «неправедных людей», рассматривать эти явления как типичные для взаимоотношений определенных общественных групп. Он избегает в своих проповедях каких-либо высказываний, способных возбудить в его пастве чувство протеста против власти «сильных», будь то власть императора, городских магистратов или *patri familias*; беспрекословное подчинение установленной власти для него — одна из важнейших христианских добродетелей³⁸.

Указанные особенности «Проповедей» придают рассуждениям Авгу-

³⁷ August., *Serm.*, 302, 21, 19.

³⁸ August., *Conf.*, III, 8, 15; *Serm.*, 62, 8, 13; 302, 14, 13.

стина о жизни и стремлениях его паствы крайне абстрактный характер. Наиболее острый в жизни городов Поздней империи вопрос о налогах и их неравномерном распределении, подробно трактуемый и языческими, и христианскими авторами (например, Сальвианом Марсельским), не находит в «Проповедях» никакого отражения. У Августина часто трудно отличить упоминания о действительных фактах городской жизни от чисто умозрительных дидактических примеров. Все же мы можем опираться на некоторые данные «Проповедей». Частое упоминание Августином одних и тех же явлений, сообщаемые им иногда конкретные факты, наконец, характерная для «Проповедей» социально-экономическая терминология — все это позволяет в какой-то мере воссоздать некоторые черты внутренних отношений в одном из африканских городов.

Отметим прежде всего, что городское население резко разделяется в представлении Августина на две группы: имущих людей и бедняков. Бедняки — это те, кто «не имеют денег, с трудом находят ежедневное пропитание, так нуждаются в помощи других и в милосердии, что не стыдятся даже просить милостыню» (Serm., 14, 1, 1). Призыв к милосердию, к раздачам в пользу бедных составляет, пожалуй, наиболее распространенный мотив в проповедях³⁹. Дарения в пользу церкви — это одно из проявлений милосердия к беднякам. Августин подчеркивает, что владения церкви служат для помощи бедным. «У церкви не хватает денег для всех просящих и нуждающихся» (Serm., 355, 4, 5). Бедняк — это, как правило, гражданин города. Призывая к христианскому милосердию, Августин особенно настаивает на необходимости оказывать помощь своим согражданам (*liceat vobis humana haritate diligere cives vestros* — Serm., 349, 2, 2; ср. 108, 7, 7). Бедняк является плебеем, средним рядовым человеком (*plebeius*, *mediocris*, *gregalis*), иногда он — обладатель небольшого, с трудом нажитого имущества (пекулия), на которое покушается богатый сосед (Serm., 107, 8, 9; 108, 7, 7). Однако чаще всего бедняки, о которых говорит Августин, это совершенно неимущие люди, целиком зависящие от частной или церковной благотворительности. Положение свободных бедняков хуже, чем положение рабов (*nonne videmus multos servientes non egentes et liberos mendicantes?* — Serm., 159, 4, 5).

Sermoines Августина свидетельствуют о наличии в африканских городах конца IV — начала V в. многочисленного слоя неимущего плебса, живущего в значительной мере за счет раздач. Характерно, что в этих раздачах иногда были вынуждены участвовать не только богатые горожане и церковь, но и само императорское правительство. К середине IV в. значительная часть африканских христиан примкнула к оппозиционной императорской власти донатистской церкви. Для ликвидации церковного раскола и подрыва влияния донатизма император Константин направил в 347 г. в Африку специальную миссию, в программу действий которой входила массовая раздача денег бедным христианам⁴⁰. Очевидно, правительству приходилось считаться с политическими настроениями африканского плебса.

Что же представляет собой в социальном отношении имущий слой городского населения? Почти во всех тех случаях, когда Августин говорит о греховной любви к мирским благам либо прибегает к аллегории, выражающей понятия владения или приобретения, он упоминает виллу⁴¹. Слушатель Августина — владелец виллы, он, по мнению проповедника или излишне дорожит своей виллой, или жаждет приобрести еще лучшую.

³⁹ См., например, August., Serm., 11; 14; 108; 210; 345, 349 и др.

⁴⁰ Optatus Milevitanus, De schism. donatist., III, 3.

⁴¹ August., Serm., 11, 3; 16, 2, 2; 20, 4; 32, 21, 21; 82, 11, 14; 85, 1, 1; 107, 5, 6; 112, 2, 2; 177, 6; 339, 5, 5; 345, 2.

«Если скажут тебе,— упрекает его Августин,— „продай свою виллу“, ты содрогнешься, как бы от ругательства, сочтешь, что тебе сделана несправедливость» (Serm., 32, 21, 21).

Вилла, по определению Августина,— это скромная по размерам, небольшая земля (... *modicam terram habes, id est villam* — Serm., 345, 2). Владелец виллы — небогатый человек, он часто ведет трудную, полную испытаний жизнь (там же). Однако обладание виллой доступно далеко не всем жителям городов, чьи доходы связаны с сельским хозяйством. В 356-й проповеди Августин рассказывает об имущественном положении служителей гиппонской церкви — граждан Гиппона-Регия и других городов — до их перехода в клир. Некоторые из них: диаконы Валент, Север, племянник Августина субдиакон Патриций — были собственниками небольших земельных участков (*agelli*). Диакон Гераклий, происходящий из более богатой семьи, купил виллу, но для этого вынужден был занять значительную сумму, так что весь доход с урожая уходил на уплату долга. Остальные клирики — бедняки, не имевшие никакого имущества (Serm., 356, 3; 5; 7; 8).

Интересно, что Августин очень редко употребляет в *Sermones* понятие «имение», *fundus*. При этом лишь один раз *fundus* упоминается в том же смысле, что *villa*, т. е. как элемент мирского благополучия, которым дождут слушатели Августина (Serm., 29, 4, 5). В других случаях речь идет о вызывающих зависть имениях богатых людей («часто переходим дорожку и видим приятные и плодородные имения» — Serm., 113, 6, 6), о статуях богов в имениях язычников (Serm., 62, 11, 17) или же об имениях церкви (Serm., 356, 15). В то же время в других произведениях Августина довольно часто упоминаются различные *fundi*, принадлежащие к его епархии либо связанные с какими-либо эпизодами религиозной борьбы. Очевидно, редкое использование этого термина в *Sermones* объясняется тем, что положение собственника имения (*dominus fundi*) не было типичным для той социальной среды, к которой обращался в данном случае Августин.

Существенный интерес представляет вопрос о том, какого рода рабочая сила использовалась в хозяйствах муниципальных землевладельцев. Отметим прежде всего, что колонны или рустики, которых мы довольно часто встречаем в других произведениях Августина, совсем не упоминаются в «Проповедях». Зато здесь весьма многочисленны упоминания о рабах (*servi, mancipia, familia*). Тема отношений господина с рабами часто затрагивается Августином как в связи с общими религиозно-моральными проблемами (христианин должен служить богу с той же верностью, какую он требует от своих рабов, бог — *pater familias*; необходимость справедливого обращения с рабами)⁴², так и по более частным поводам. Рабы, так же как земля и дом, принадлежат к тем земным благам, которые более всего дорожит паства Августина⁴³, они составляют непреременный элемент богатства⁴⁴. Во взаимоотношениях господина и раба Августина интересует главным образом тема верности (*fides*), поэтому в «Проповедях» численно преобладают упоминания о таких занятиях рабов, в которых это их качество может более всего проявиться. На первом месте здесь, естественно, стоят рабы-управители, казначей, сторожа, вообще рабы, живущие в доме господина и наиболее близкие ему⁴⁵.

⁴² August., Serm., 4, 30, 33; 9, 10, 16; 69, 2, 3; 73, 1, 1; 80, 8; 83, 1, 1; 159, 4, 5, 211, 6, 5.

⁴³ August., Serm., 21, 9; 159, 3, 3; 239, 5, 6 (*aurum quaeris, argentum quaeris, familiam.?*); 311, 14, 13.

⁴⁴ August., Serm., 62, 8, 9; 78, 9, 13; 102, 2, 3; 260, 8, 7; ср. Conf., I, 19, 30.

⁴⁵ August., Serm., 18, 3, 3; 21, 6—7; 26, 8, 8; 40, 5, 7; 60, 8, 8; 69, 2, 3; 113, 4, 4; 159, 3, 3; 169, 4, 5; Conf., III, 7, 13.

«В доме каждого христианина есть рабы», — говорит Августин (Serm., 302, 21, 19). Однако из этого неверно было бы сделать вывод, что рабы применялись преимущественно в сфере домашнего обслуживания. Августин упоминает о труде рабов на мельницах (Serm., 153, 9, 9). Для выяснения роли рабства в сельском хозяйстве чрезвычайно интересен рассказ Августина об имуществе, которым располагали диаконы его церкви, когда они еще не перешли в клир и были рядовыми городскими жителями. Диакон Валент владел совместно с братом земельными участками (agelli) и рабами (mancipia, servuli). Другой диакон — «бедный человек...», однако прежде, чем стал клириком, купил из своих трудов нескольких рабов (servulos) (Serm., 353, 3; 6). Таким образом, владелец небольшого участка, пытаясь укрепить свое хозяйство, стремился прежде всего приобрести рабов⁴⁶. Отсюда, по-видимому, можно заключить, что использование рабов в хозяйствах средних и мелких городских землевладельцев было распространенным явлением⁴⁷.

Наряду с неимущими бедняками, с небогатыми мелкими и средними землевладельцами, в проповедях Августина довольно четко выступает еще одна социальная группа — divites. Это люди, «на которых бедняки пристально взирают, о которых шепчут, сетуют, восхваляют и которым завидуют, хотя уравниваются с ними и скорбят, что неравны» (Serm., 345, 1). Частое возвращение Августина к теме богатства и бедности, к фигуре сильного и неправедного богача во многом связано с весьма характерным для проповедей мотивом противопоставления земных благ благам духовным. Однако было бы неправильно видеть в dives и potens проповедей только некую дидактическую абстракцию. Этот персонаж сплошь и рядом выступает в тесных и весьма конкретных взаимоотношениях со средними, рядовыми и бедными людьми. Он может быть для них патроном, защищающим их в судебных тяжбах либо против притеснений со стороны других сильных людей (Serm., 9, 2, 2; 130, 5). Гораздо чаще он выступает как притеснитель своих более слабых сограждан.

В произведениях Августина можно найти немало конкретных фактов, подтверждающих то общее впечатление, которое создают рассуждения о богатстве и бедности в проповедях. Отец Августина был небогатым гражданином небольшого нумидийского города Тагасты (municeps Thagastensis admodum tenuis). Его решение отправить сына учиться в Карфаген превышало, по словам Августина, его материальные возможности (ultra rei familiaris sui — Conf., II, 3, 5). В том же месте Августин упоминает о многих гораздо более состоятельных гражданах Тагасты (multorum... civium longe opulentiorum). Так, родители его друга и земляка Алипия, принадлежавшие к городской верхушке (parentibus primatibus municipalibus), не только отправили своего сына в Карфаген, но и, считая необходимым для него дальнейшее путешествие (terrena via), послали его изучать юриспруденцию в Рим (Conf., VI, 7, 11; 8, 13). В некоторых произведениях Августина упоминается еще один гражданин Тагасты (communiticeps noster) Романиан, который оказывал ему материальную поддержку в годы учебы (Contra acad., II, 2, 3; Conf., VI, 14, 24). Романиан принадлежал к числу чрезвычайно богатых людей (praedivites — Conf., VI, 14, 24). В своем городе он устраивал невиданные ранее представления для сограждан, в частности, медвежий цирк (munera ursorum). Не только со-

⁴⁶ О рабах (familia) бедного человека см. также August., Serm., 169, 12, 15.

⁴⁷ Мне была недоступна работа М. М. Getty, The Life of North Africans as Revealed in the Sermons of St. Augustin, Washington, 1931, автор которой приходит к выводу, что в эпоху Августина «рабство... было процветающим учреждением». Цит. по P. G a c i e, En Afrique romaine, «Annales. Economie-Sociétés-Civilisations», 1957, № 4, стр. 655, прим. 4.

граждане, но и жители соседних городов избирали его патроном, он обладал властью, выходящей за пределы муниципального полжения (*protestates, quae municipalem habitum supercrescerent*). Романиан славился устройством бесплатных раздач и пиршеств, причем его состояние оказывалось, по словам Августина, вполне достаточным для таких расходов (*Contra acad.*, I, 1,1—2).

Приведенные примеры показывают, насколько сильно могло различаться имущественное положение куриалов одного и того же сравнительно небольшого города и каких размеров достигало состояние отдельных представителей городской знати. В Гиппоне-Регии, с которым связаны многие годы епископской деятельности Августина, имущественная дифференциация среди муниципальных землевладельцев была не менее резкой. Выше уже говорилось о небогатых гражданах Гиппона, с трудом сколачивавших средства на приобретение виллы или небольших участков земли. В то же время отдельные представители городской знати (*honorati*) обладали такими владениями, что могли приносить в дар церкви виллы и даже целые имения⁴⁸.

Данные, которые можно извлечь из *Sermones* и из некоторых других произведений Августина, создают впечатление о существовании в африканских городах определенного слоя граждан, резко дифференцировавшегося по своему имущественному положению от всех остальных групп городского населения. Этот факт получил свое отражение также в императорском законодательстве. По указу Гонория и Феодосия от 412 г. (*STh*, XVI, 5, 52), установившему наказания для лиц, исповедывавших донатизм, декурионы, а также коммерсанты (*negotiatores*) и плебеи должны были платить штраф в 5 фунтов золота, а городские магистраты (*principales*) и *sacerdotales* (жрецы провинциального культа, звание которых являлось высшей ступенью муниципальной карьеры)—соответственно 15 и 20 фунтов, т. е. в 3—4 раза больше. Таким образом, существование весьма значительных различий в имущественном положении между представителями городской знати, с одной стороны, и остальными слоями населения городов — с другой, признавалось официально. Это наблюдение вполне соответствует приведенным выше эпиграфическим данным, свидетельствующим, что в IV в. только узкая группа членов курии, совпадавшая в основном с *principales* указа 412 г., имела возможность участвовать в финансировании городского строительства. Мы можем заключить, что богачи, о которых говорит Августин, столь резко отделяя их от рядовых и бедных людей, — это прежде всего возглавлявшие муниципальную организацию представители городской знати.

Судя по проповедям Августина, довольно многочисленную группу городского населения составляли небогатые собственники вилл и еще более мелких земельных участков. Этот вывод подтверждается данными известного муниципального *album'a* нумидийского города Тамугади, относящегося к 60 гг. IV в.⁴⁹ Та часть надписи, которая содержала список рядовых, не занимавших никаких должностей куриалов, сохранилась не полностью, однако и дошедший до нас фрагмент включает довольно значительную группу из 73 имен. Как известно, в IV в. к курии приписывались землевладельцы, обладавшие участком не менее 25 югеров.

Для социального положения различных слоев муниципальных землевладельцев была характерна эксплуатация ими рабского труда (см. выше

⁴⁸ *August.*, *Serm.*, 365, 15; *Possidius*, *Vita s. Augustini*, 23.

⁴⁹ Наиболее полное воспроизведение текста *album'a* дает L. Leschi, *L'Album municipal de Timgad et «l'ordo salutationis» du consulaire Ulpus Mariscianus*, REA, L (1948), № 1—2, стр. 71—100, который датирует его между 363 и 365 гг. (ср. T. Monson, *Gesam. Schrift.* VIII, стр. 315: около 367 г.).

данные Августина). Что касается представителей городской верхушки (*principales, honorati*), то многие из них были собственниками более или менее крупных имений (ср. *Possidius, Vita s. Augustini*, 23). Указ 412 г. налагает на *sacerdotales* и *principales* тот же размер штрафа, что и на членов сенаторского сословия — собственников экзимированных имений, обычно обрабатывавшихся в Африке колонами. Труд колонов, возможно, использовался и в имениях наиболее богатых куриалов, которые, отличаясь от сенаторов по своему сословному положению, были близки к ним в экономическом отношении.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о тех группах городского населения, которые не были непосредственно связаны с землевладением. Не вызывает сомнения существование в африканских городах рассматриваемого периода развитого ремесленного производства. Анонимный географический трактат середины IV в. сообщает об экспорте из африканских провинций различного рода одежды⁵⁰. С другой стороны, осуществление в поздней Римской Африке значительных строительных и художественных работ предполагает наличие в городах многочисленных строителей, резчиков по камню, ремесленников, занятых изготовлением мозаик, и т. д. Тем не менее мы почти не имеем конкретных данных об организации африканского ремесленного производства, его роли в социальной жизни городов. Хейвуд, отмечая аналогичное явление для Африки времени Ранней империи, высказал предположение, что оно объясняется распыленностью африканского ремесла, преобладанием мелкого производства⁵¹. Это предположение представляется вполне возможным и для поздней Римской Африки. В одном из произведений Августина говорится о людях низкого положения, переходящих в монашество. Наряду с рабами и отпущенниками, здесь упоминаются рустики и ремесленники (*orifices*), бегущие в монастыри от «убогой и тяжелой жизни», причем труд последних характеризуется как «плебейский»⁵². Перечисляя различные виды деятельности, связанные со стремлением к наживе, Августин называет управителей и арендаторов земельных владений и торговцев, которых он противопоставляет живущим физическим трудом ремесленникам (*De op. monach.*, 15, 16). По-видимому, представление о занятии ремеслом ассоциировалось в Африке не с богатыми собственниками крупных мастерских, но главным образом с малоимущими самостоятельно трудящимися работниками.

Мы обладаем лишь крайне незначительными данными о составе и положении городского плебса. Очевидно, в значительной своей части он состоял из ремесленников, а также владельцев мелких участков. Как отмечалось выше, среди плебеев было немало пауперизованных граждан городов, живших за счет частной и церковной благотворительности.

Цитированный выше указ 412 года подтверждает факт существования в Африке особой, отличающейся от землевладельцев-куриалов категории *negotiatores*. В эту категорию включались торговцы (*mercantes in territoris sive civitatibus*) и ростовщики (*studentes fenori* — *CTh*, XIII, 1, 18—400 г.). О *mercantes homines* и *negotiatores*, объединявшихся в общества, неоднократно упоминает Августин⁵³. Однако у нас нет оснований относить эту категорию к наиболее состоятельной группе городского населения либо приписывать ей ведущую роль в жизни городов. Правда, следует учитывать, что торговля не составляла монополии одних *negotiatores*. В торговых сношениях Африки с другими частями империи значи-

⁵⁰ *Expositio totius mundi et gentium*, 60 (*Geographi latini minores*, ed. A. R i e s e).

⁵¹ H a y w o o d, ук. соч., стр. 72, ср. 58.

⁵² A u g u s t., *De opere monachorum* (PL, 40), 22, 25; ср. *De civ. Dei*, XXII, 8.

⁵³ A u g u s t., *Serm.*, 21,4; 302, 18, 16; *De opere monach.*, 1,2; 15, 16.

тельную роль играли судовладельцы (*navicularii*), совмещавшие выполнение государственной повинности по перевозке продуктов в Италию с частными коммерческими операциями (в том случае, если их корабли не были зафрахтованы другими лицами, такого рода операции освобождались от ввозных пошлин — *CTh*, XIII, 5, 24)⁵⁴. Навикулярии входили в высший слой городского населения, при Константине они были возведены во всадническое сословие (*CTh*, XIII, 5, 16). Характерно в то же время, что в юридических источниках навикулярии выступают, подобно куриалам, в качестве земельных собственников; правительство даже рассматривает их земли как главное условие их успешной деятельности и стремится воспрепятствовать отчуждению этих земель (*CTh*, XIII, 5: *De praediis naviculariorum*). Таким образом, эта имущая группа городского населения не принадлежала по своему социально-экономическому положению к чисто торговым слоям.

В целом мы можем заключить, что основу материального благосостояния имущих слоев городского населения составляло чаще всего не ремесло и не посредническая торговля, но землевладение, сельское хозяйство. В одной из проповедей Августин прямо называет своих слушателей земледельцами (*agricolae* — *Serm.*, 87, 1, 2). Размер земельного владения гражданина города являлся главным фактором, определявшим его имущественное и общественное положение⁵⁵. Земледелие было источником существования не только для более или менее обеспеченных людей, но и для многих бедняков (*Serm.*, 356). При этом следует учитывать, что в портовом городе Гиппоне, к которому относятся данные Августина, роль торговых элементов должна была все же чувствоваться сильнее, чем в городах внутренних областей. Следовательно, эти данные, очевидно, достаточно типичны для Римской Африки в целом.

Отмеченные черты социально-экономической структуры африканских городов IV в. свидетельствуют о том, что мы не можем рассматривать эти города, как преимущественно торгово-ремесленные центры, хотя бы ремесло и торговля и достигали в них высокого развития. Преобладающей сферой производственной деятельности, лежащей в основе существования городов такого типа, является сельское хозяйство. Эксплуатация труда работников, занятых в земледелии (сельских рабов, колонов), делает возможным накопление прибавочного продукта, обеспечивающего поддержание материальных и культурных форм городской жизни (зодчество, городское благоустройство, зрелища и т. п.). Город и деревня выступают, таким образом, не как различные социально-экономические понятия, но как единое неразрывное целое.

Этот вывод нуждается в некоторых разъяснениях. Признание аграрного характера экономики африканских городов отнюдь не означает отрицания их роли как центров товарно-денежных отношений. Напротив, сам факт существования интенсивной городской жизни, расходования крупных средств на строительство, украшения, зрелища, образование предполагает концентрацию в городах товарного производства и обращения. К сожалению, мы не можем подкрепить это общее соображение сколько-нибудь обстоятельными фактическими данными, ввиду скудости наших источников. Мы знаем, что в IV в. существовал значительный экспорт сельскохозяйственных продуктов из африканских провинций. «*Exportio totius mundi et gentium*» сообщает о вывозе из Африки хлеба и оливкового масла, причем анонимный географ указывает, что «провинция

⁵⁴ J.-P. Waltzing, *Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains*, II, Bruxelles, 1896, стр. 57 сл.

⁵⁵ О бедном куриале (*curialis pauper*) Августин говорит, что он является «попросту крестьянином» (*simpliciter rusticanus* — *De cura pro mortuis gerenda*, 12, 15; PL, 40).

Африка доставляет масло почти всем народам» (60—61). По словам галльского епископа Сальвиана, Африка казалась ему «благодаря изобилию своей торговли (*copiae negotationis suae*) наполненной богатствами не только своими, но и всего мира» (*De gub. Dei*, VII, 14). Подобные свидетельства современников позволяют заключить, что в период Поздней империи приток африканских сельскохозяйственных продуктов по ту сторону Средиземного моря отнюдь не ограничивался только натуральными налогами, взимаемыми государством. Приведенные выше данные о торговых операциях судовладельцев-навикуляриев свидетельствуют о значительном объеме частного экспорта⁵⁶. Однако все эти факты не дают прямого ответа на вопрос, какую роль в вывозе сельскохозяйственных продуктов играли города. В этой связи могут быть приведены лишь некоторые косвенные указания источников.

Во-первых, мы можем отметить, что, по археологическим данным, сельскохозяйственные территории многих городов специализировались на производстве такого высокотоварного продукта, каким было оливковое масло⁵⁷. Оливки широко культивировались в таких районах интенсивной городской жизни, как верхняя часть долины Баграды, восточная часть Проконсульской провинции, Бизацена, юго-восточная и центральная Нумидия⁵⁸. В то же время города северной части Проконсульской провинции, центральной Нумидии, Мавретании принимали активное участие в производстве хлеба. Во-вторых, судя по некоторым данным Августина, доход с земли в городах выступал обычно в денежной форме. В одной из проповедей (*Serm.*, 356) Августин убеждал куриалов Гишпона взять в аренду церковное имение *fundus Victorianensis* на условиях, предложенных церковью. Куриалы считали эти условия невыгодными для арендаторов и настаивали на арендной плате не свыше 40 солидов. Августин, возражая им, подчеркивал, что если съемщик продаст весь урожай по своей цене (*omnes fructus pretiis suis fideliter vendat*), он не понесет убытка. Таким образом, производство сельскохозяйственных продуктов исключительно на продажу было повседневным явлением в жизни африканского города изучаемого периода. В другом месте Августин (*Serm.*, 361, 11, 11) рассказывает о практике покупки землевладельцами городских отбросов, вывозимых затем на поля. Разумеется, покупка удобнейшей возможна лишь в условиях развитого товарного хозяйства.

Если сопоставить все эти данные с фактом наличия крупных денежных богатств в городах, создается впечатление, что муниципальные землевладельцы играли значительную роль в производстве сельскохозяйственных продуктов на экспорт. Естественнее всего предположить, что центрами соответствующих торговых операций по сбыту этих продуктов и организации их дальнейшего продвижения на внешние рынки были города. Вместе с тем они являлись, разумеется, местом реализации ремесленной продукции (ср. *CIL*, VIII, 20156: *basilica vestiaria*). С этим, очевидно, связано присутствие в городах особого слоя *negotiatores*, а также то значение, которое придавалось строительству торговых зданий. В Мадавре для заключения торговых сделок был приспособлен даже храм Фортуны, в котором перестали отправлять культ (*ILAI*, I, 2103).

Таким образом, решающее значение земледелия в экономической

⁵⁶ Деятельность *negotiatores* А в г у с т и н (*Serm.*, 302, 18, 16) связывает с перевозкой товаров через море.

⁵⁷ По свидетельству А в г у с т и н а (*De ordine*, I, 3, 6), оливковое масло считалось в Италии настолько дорогим продуктом, что даже для богатых людей было недоступным ночное освещение в домах. Ср. E. Albertini, «*Mélanges Thomas*», Bruges, 1930, стр. 1—5.

⁵⁸ H. C a m p s - F a b r e r, *L'olivier et l'huile dans l'Afrique romaine*, Alger, 1953, стр. 25—30.

жизни африканских городов совершенно не связано с явлениями натурализации хозяйства. Можно целиком согласиться с румынским историком Э. Кондураки, который, характеризуя современное состояние вопроса о товарно-денежных отношениях в Поздней империи, отмечает, что, «когда речь идет о процессе обращения в тех местностях Римской империи, где в IV—V вв. продолжала существовать городская жизнь и присущие ей формы рабовладельческого хозяйства, экономические отношения характеризовались денежным, а не натуральным обменом»⁵⁹.

Подчеркивая аграрный характер экономики африканских городов, мы имеем в виду не слабую роль в них ремесленного производства и торговли, но вопрос о специфических условиях существования городов изучаемого нами типа, о сущности их как определенных явлений общественной жизни. В нашей литературе при оценке состояния городов поздней античности в качестве решающего критерия обычно выдвигается степень развития товарно-денежных отношений. Наиболее четко этот критерий в последнее время сформулирован М. Я. Сюзюмовым. «Сущность вопроса состоит в том, — пишет М. Я. Сюзюмов, — продолжал ли город оставаться центром товарного производства и денежных отношений, ремесла и торговли, не было ли особого периода перерыва, когда город терял свою экономическую сущность и превращался фактически в деревню или военное укрепление...»⁶⁰. Иначе говоря, город рассматривается исключительно как экономическая категория. Такой подход, вероятно, вполне возможен при изучении городов-эмпориев Восточной империи⁶¹ или средневековых торгово-ремесленных городов, но он оказывается явно недостаточным, когда мы сталкиваемся с «аграрными городами», которые все же отнюдь не превратились в деревни. Дело в том, что существование города, базирующегося на сельском хозяйстве, невозможно объяснить чисто экономическими факторами. Аграрный строй экономики совсем не обязательно предполагает наличие центров городского типа. Существование и развитие городов на подобной основе является в значительной мере результатом действия определенных социально-политических факторов — потребности землевладельцев в объединении, в некоей организации для защиты своих общих интересов: господства над эксплуатируемыми слоями, обороны от возможных внешних врагов либо от посягательств на их землю со стороны более сильных собственников. С этим объединением, принимающим форму городской общины, связаны и определенная муниципальная организация, и специфическая система земельной собственности, предполагающая наличие фиксированной городской сельскохозяйственной территории и обусловленность права владеть землей на этой территории принадлежностью к коллективу граждан данной общины (*civitas*).

Особенности подобного типа социальной организации, в той или иной мере свойственные любому античному городу, достаточно широко известны. Здесь важно отметить, что в Римской Африке, в силу аграрного характера ее экономики, этот тип города получил особенно полное развитие. Большинство африканских городов возникло вследствие эволюции местных земледельческих поселений, либо в результате римской аграрной колонизации, причем часто оба эти фактора действовали совместно⁶². Во всех этих случаях социально-экономической основой городов было землевладение.

⁵⁹ Э. Кондураки, О натуральном и денежном обмене в Римской империи IV—V вв., ВВ, т. XIV (1958), стр. 34.

⁶⁰ М. Я. Сюзюмов, Некоторые проблемы истории Византии, ВП, 1959, № 3, стр. 111.

⁶¹ Ср. М. Я. Сюзюмов, Роль городов-эмпориев в истории Византии, ВВ, т. VIII (1956), стр. 26—41.

⁶² Broughton, ук. соч., стр. 97 сл.

Как мы видели, это положение не изменилось в IV в. Само понятие «город», поскольку речь идет о Римской Африке, неразрывно связано с определенной социальной организацией землевладельческого населения. Поэтому вопрос о положении городов, характере их развития в изучаемый период можно решить, лишь установив, в каком состоянии находилась эта организация, насколько она была прочной и действенной.

Судя по *album*'у из Тамугади, городской строй в основном сохранял в IV в. свои традиционные формы. Здесь мы находим обычных городских магистратов: дуумвиров, эдила, квестора, а также куриалов, ранее выполнявших эти должности. При назначении магистратов на очередной год продолжала применяться процедура народного голосования (CTh, XII, 5, 1—326 г.: *populi... suffragiis nominatio in Africa consuetudine celebratur*). В IV—V вв. сохранялся и такой важный элемент самостоятельной городской политической организации, каким являлись вооруженные отряды курий (*ammunicula ordinum, civitatum auxilia*)⁶³. Вместе с тем мы можем отметить живучесть в IV—V вв. определенных правовых представлений, связанных с пониманием города как гражданской общины. Августин (*Serm.*, 108, 7, 7) четко противопоставляет гражданина города не обладающему гражданскими правами паломнику (*nam qui premit civem suum, quomodo habet suscipere peregrinum*; ср. *De civ. Dei*, XXII, 8). Города по-прежнему обладали фиксированной сельскохозяйственной территорией, подлежащей юрисдикции муниципальных властей (CJ, X, 32, 53). Таким образом, формальные принципы муниципальной организации и свойственная ей система земельной собственности продолжали сохранять свое значение.

Тем не менее мы можем констатировать значительные изменения в социальной структуре этой организации по сравнению с периодом Ранней империи. Как показывают данные строительных и посвячительных надписей, резко снизилась степень участия основной массы куриалов в городской жизни. Прежнее коллегиальное управление городским хозяйством в рамках *ordo* все более вытесняется властью немногочисленной группы городской знати. Такие ведущие должности городского управления, как, например, дуумвират, могли в IV в. делаться достоянием отдельных семей (например, надпись из Лептиса, IRT, 595, посвящена мальчику из знатной семьи Гераклиев, который был коллегой своего отца по дуумвирату). В расходах на строительство и другие городские нужды усиливается роль частных пожертвований представителей городской знати, функции *ordo* как коллективного владельца и распорядителя городских средств выражены крайне слабо. Значительные литургические жертвования магистратов на городские нужды характерны и для Африки II—III вв., однако в этот период они приобретали форму не только строительства на частный счет, но и определенных денежных взносов — *summae legitimaе* или *honogariae*, которые вносились в городскую кассу и попадали, таким образом, под контроль *ordo*. В IV—V вв. мы почти не встречаемся с *summae legitimaе*, магистраты предпочитают расходовать суммы, пожертвованные ими в связи с выполнением той или другой должности, самостоятельно без посредства *ordo*⁶⁴.

Указанные особенности в социальном строе африканских городов IV—V вв. предстают как результат длительного процесса имущественной дифференциации сословия муниципальных землевладельцев. Этот процесс

⁶³ A u g u s t., *Adversus Fulgentium*, 24; *Contra lit. Petiliani*, III, 39, 45; *Contra Cresconium*, IV, 47, 57.

⁶⁴ См., например, CIL, VIII, 26568 и 26569 (Thugga): восстановление канала *pro splendore flamonii perpetui* и здания курии *ob honorem duoviratus*.

выступает в Африке достаточно явно уже с конца II в.⁶⁵ Его экономической предпосылкой, очевидно, являлась сравнительно тесная связь африканского сельского хозяйства с рынком. В IV в. в африканских городах еще сохранялся значительный слой средних муниципальных землевладельцев, но резкое ослабление роли этого слоя в городской жизни является одним из показателей его экономического упадка. Наличие в городах многочисленного неимущего плебса и промежуточной группы парцеллярных владельцев достаточно ярко свидетельствует о том процессе разложения, которому подвергалось муниципальное землевладение. На другом полюсе городского населения мы видим немногочисленные наиболее состоятельные семьи, уже отделившиеся в социальном отношении от основной массы куриалов.

В современной научной литературе упадок городов обычно объясняется главным образом политическими условиями Поздней империи, политика позднеримского государства по отношению к городам признается крайне неблагоприятной для сословия куриалов и противопоставляется с этой точки зрения политике Ранней империи. Так, по мнению Хейвуда (ук. соч., стр. 119), политика поздних императоров была губительной для среднего муниципального класса. Пиганьоль объясняет упадок городов борьбой, проводимой «государством против буржуазии» (так автор называет муниципальных землевладельцев. — Г. Д.) с тем, чтобы заставить ее перестать быть паразитическим классом». По его мнению, «императоры несут громадную ответственность за жалкое состояние городов»⁶⁶.

Указанное мнение, несомненно, не лишено основания. В IV в. Африка играла решающую роль в снабжении Рима хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Налогам, взимаемым в африканских провинциях, придавалось поэтому особое значение. Основной фискальной повинностью здесь являлся поземельный натуральный налог — аннона, соответствующий общеимперской *jugatio — capitatio* и предназначавшийся непосредственно для обеспечения продовольствием Рима, а также римской армии, размещавшейся в Африке⁶⁷. В тщательно разработанной системе взимания африканской анноны главное внимание уделялось фискальным повинностям городов, причем с особой полнотой и последовательностью был проведен характерный для Поздней империи принцип круговой поруки куриалов в уплате податей. Лица, ведающие взиманием налогов (*exactores, susceptores*), избирались из числа куриалов, избравшая их курия несла материальную ответственность за исправное поступление всей суммы податей (СTh, XII, 6, 1; 9; 20). Императорские распоряжения, относящиеся к африканским городам, требуют неукоснительного выполнения куриалами этой обязанности, запрещают им оставлять свои города либо переходить в другие сословия⁶⁸.

⁶⁵ Н. А. Машкин, Из истории африканских городов во II—III вв. н. э., ВДИ, 1951, № 2; A. Bourgalet-Musso, Recherches économiques sur l'Afrique romaine, RAfr, 1934, стр. 354 сл., 491 сл.

⁶⁶ A. Piganiol, L'Empire chrétien (325—395), P., 1947, стр. 355, 358. Противоположное мнение см. Van Sickle, ук. соч., стр. 173 сл., который считает, что упадок городов объяснялся не политикой императорского правительства, а «объективными условиями». Ср. Warming-ton, ук. соч., стр. 113.

⁶⁷ См. A. Déleage, La capitation du Bas-Empire, Macon, 1945, стр. 228 сл., где дается наиболее полная характеристика налоговой системы, применявшейся в Африке. Ср. Ch. Samagne, Un tarif fiscal au IV-e siècle de notre ère, «Karthago», I, 1950, стр. 109—200. Эта работа содержит интересную, но во многом спорную попытку восстановления и интерпретации сильно фрагментированного списка фискальных повинностей различных категорий африканских землевладельцев, относящегося к 60—70 гг. IV в.

⁶⁸ CJ, X, 19,1; X, 21,2; СTh, XII, 1,60; XII, 1,64; CJ, XII, 55, 1 и др.

В первой половине IV в., в особенности при Константине, был нанесен значительный ущерб доходам городов. Константин даровал христианской церкви крупные земельные угодья, изъятые из территорий, принадлежавших африканским городам⁶⁹. Одновременно производились широкие распродажи частных земельных владений куриалов, задолжавших фиску (CTh, XI, 7, 4). При Константине или одним из его ближайших преемников городские общественные земли были окончательно экспропрированы государством (ср. CTh, IV, 13,5; X, 3,4). Таким образом, к середине IV в., очевидно, имело место известное сокращение земельных площадей, закрепленных за городами.

Превращение муниципальной организации в важнейший элемент государственной машины по сбору налогов неизбежно должно было повлечь за собой усиление контроля со стороны императорской администрации, что требовало известной перестройки традиционных муниципальных учреждений. С этим связано развитие в период Поздней империи института городских кураторов (*curator rei publicae*). Должность куратора появляется в африканских городах еще в начале III в., повсеместное распространение она получает в IV в.⁷⁰. В IV в. куратор — высшее должностное лицо в городе. В надписях, поставленных городами в честь императоров, он выступает как единственный официальный представитель города⁷¹, причем городское *ordo* часто упоминается в качестве инициатора сооружения надписи лишь на втором месте после куратора (*curator rei publicae cum ordine, curator... et ordo, curator... cum omnibus decurionibus*), а иногда упоминание об *ordo* и вовсе отсутствует⁷². Августин говорит о кураторе как о лице, чья власть в городе уступает лишь власти правителя провинции (Serm., 62, 8, 13). Хотя куратор был ответственен непосредственно перед императорскими властями, он не был государственным чиновником. Кураторы являлись высшими городскими магистратами, вербуемыми из числа городской знати⁷³, причем эта должность носила в значительной мере литургический характер⁷⁴.

Весьма отрицательно отражалась на положении городов их возросшая зависимость от чрезвычайно раздувшейся в IV в. императорской гражданской и военной бюрократии. По данным *album'a* из Тамугади, в этом городе постоянно находилось 70 служащих различных ведомств. Рядовые куриалы и плебе испытывали, таким образом, двойной гнет городской знати и многочисленных чиновников, которые вряд ли уступали друг другу в лихоимстве и злоупотреблениях. Города во многом зависели от производства провинциальных властей, например, когда производилась раскладка фискальных повинностей или в случае необходимости военной защиты от нападений варваров (ср. *Amm. Marc.*, XXVIII, 6, 1—24).

Одним из показателей растущей зависимости африканских городов от императорской администрации является тот характер, который приобрел в IV в. традиционный институт городского патроната. Исследование соответствующих надписей IV в. позволяет думать, что в этот период гораздо чаще, чем прежде⁷⁵, патронами городов являлись представители

⁶⁹ *Le liber pontificalis*, ed. L. Duchesne, I, P., 1886, стр. 175.

⁷⁰ См. Toutain, ук. соч., стр. 160 и Appendice II (стр. 399—400): подавляющее большинство надписей, упоминающих куратора, относится к IV—V вв.

⁷¹ Ср. Toutain, ук. соч., стр. 365, прим. 2.

⁷² Различные случаи см.: CIL, VIII, 1636, 5337, 11805—11808, 23116, 23123; ILT, 622 и 752; AEr, 1955, № 51 и 52 и др.

⁷³ Ср. Toutain, ук. соч., стр. 365; L. Leschi, REA., L (1948), № 1—2, стр. 76 сл.

⁷⁴ О литургическом характере должности куратора см. Н. А. Машкин, Городской строй Римской Африки, ВДИ, 1951, № 1, стр. 65 сл.

⁷⁵ О патронате в Африке в I—III вв. см. Машкин, Городской строй., стр. 74.

гражданской и военной провинциальной бюрократии⁷⁶: правители провинций, комиты, дуки⁷⁷. Города были заинтересованы в покровительстве провинциальных властей, от которых зависело распределение фискальных повинностей, а также других влиятельных чиновников (ср. надпись из Лептиса IRT, 519, поставленную в честь чиновника ведомства префекта претория Цидилия Севера «за многообразную умеренность его решений относительно Лептиса»). Предоставление патроната представителям провинциального управления и военного командования в то же время в какой-то мере увеличивало их заинтересованность в военной защите городов⁷⁸. В целом эволюция городского патроната в IV в. отражает усиление роли императорской бюрократии и окончательную утрату городами каких-либо признаков былой автономии.

Таким образом, не приходится оспаривать тот факт, что экономическое и политическое положение городов в государственной системе Поздней империи значительно ухудшилось по сравнению с периодом II — первой половины III в. Однако было бы неверным считать, что политика домината по отношению к городам носила исключительно негативный характер. Уже с конца 50-х годов IV в. в законодательстве начинает появляться тенденция к известному облегчению экономического положения городов. В 358 г. Констанций распорядился выделять $\frac{1}{4}$ податей с африканских городов на строительство городских стен (CTh, IV, 13,5). Юлиан в 362 г. возвратил городам их земли (CTh, X, 3, 1). По-видимому, это мероприятие относилось не ко всем ранее конфискованным городским землям, но лишь к тем из них, которые к этому времени еще находились в собственности императора и не были проданы частным владельцам⁷⁹. Известным облегчением для городов явилось проведенное Юлианом включение христианских клириков в число налогоплательщиков-куриалов (CTh, XII, 1,50—362 г.). В 375 г. Валентиниан I указом на имя проконсула Африки ввел новый порядок обложения городских доходов: $\frac{2}{3}$ общей суммы доходов должны были поступать фиску, $\frac{1}{3}$ — городу (CTh, IV, 13,7). При Валентиниане, по-видимому, усиливается участие провинциальных властей в городском строительстве (особенно в нумидийских городах, где консуляр Публилий Цейоний Цецина Альбин упоминается в ряде строительных надписей: CIL, VIII, 2388, 2656, 2735, 20156; AEr, 1917/18, № 58; AEr, 1946, № 107).

Внимание, уделяемое императорами второй половины IV в. строитель-

⁷⁶ Наряду с этим, звание патронов продолжали предоставлять сенаторам, обладавшим имениями в районе данного города, с которыми городу важно было сохранить хорошие отношения, и представителям муниципальной знати — в благодарность за оказанные городу услуги. Так, в Тамугади, по данным *album'a*, было 6 патронов, из них 5 — сенаторы (*viri clarissimi*) и один — провинциальный жрец (*sacerdotalis*). Уже после падения *album'a* звание патрона было присвоено одному из *flamines perpetui* — Элию Юлиану за услуги, оказанные городу (J. S a r c o r i n o, *La table de patronat de Tingad, RAfr*, 1913, стр. 163 сл.). Характерно, что один из патронов *viri clarissimi* — Вулкаций Руфин — дядя императора Юлиана — был ранее правителем Нумидии (L e s c h i, *L'Album...*, стр. 78). Ср. CIL, VIII, 210, 25525; AEr, 1922, № 16—17.

⁷⁷ IRT, 103, 522 526, 529, 544, 562, 563, 566, 576; CIL, VIII, 1860; 7012 и др. Та же тенденция в развитии патроната наблюдается в данный период и в других районах империи. См. L. H a r m a n d, *Le patronat sur les collectivités publiques des origines au Bas-Empire*, P., 1957, стр. 447 сл.

⁷⁸ Ср. W a r m i n g t o n, ук. соч., стр. 31, который отмечает преобладание патронов — провинциальных правителей в Нумидии и Мавретании, где жизнь городов в большей мере зависела от армии. Еще более отчетливо это преобладание выступает в Триполитании.

⁷⁹ Аммиан Марцелин (XXV, 4, 15) сообщает, что Юлиан возвратил отдельным городам их налоги вместе с земельными имуществами, кроме тех, которые были по праву проданы прежними императорами.

ству в африканских городах, частично объяснялось стремлением укрепить их обороноспособность ввиду усилившейся в данный период угрозы вторжений берберских племен⁸⁰. Что касается сравнительно широких мероприятий, проведенных в интересах городов Валентинианом I, то они, очевидно, были связаны не только с военными соображениями, но и с общим направлением внутренней политики этого императора: его стремлением укрепить позиции государства путем ограничения влияния слоя крупных землевладельцев, преодолеть их растущую независимость от центральной власти⁸¹. Валентиниан пытался, в частности, ликвидировать привилегированное положение некоторых групп сенаторов в налоговой системе (CTh, XI, 12, 3). Эдикт 365 г. викарию Африки, требующий строго взимать фискальные повинности с сенаторских земель (CTh, XI, 4, 13), показывает, что по отношению к африканским сенаторам эта политика проводилась довольно интенсивно. Идя на конфликт с крупными землевладельцами, Валентиниан, естественно, пытался опереться на иные социальные силы, которые можно было бы противопоставить сенаторскому сословию, и прежде всего на города.

Необходимо в то же время подчеркнуть, что указанные мероприятия Валентиниана не означали какой-либо коренной реформы налогообложения африканских городов. Вряд ли можно признать сколько-нибудь обоснованным мнение Уормингтона (ук. соч., стр. 53—54 и 113), что политика Валентиниана резко отличается в этом отношении от политики предшествующих императоров, поскольку он будто бы пытался ликвидировать ответственность куриалов за сбор налогов. Этому мнению явно противоречит его рескрипт на имя викария Африки, в котором речь идет о порядке назначения сборщиков натуральных податей (*susceptores specierum annonarium*). Рескрипт запрещает применять к Африке распоряжение императора, относящееся к иллирийским провинциям, согласно которому должность *susceptores* отныне должна была возлагаться не на куриалов, а на государственных чиновников. В Африке сохраняется прежний порядок, поскольку, говорится в рескрипте, — «если сборщики, выделенные из курий, растратят что-либо по небрежности или обманом, для пополнения продуктов можно, согласно обычаю, привлечь *ordo*, которое их избрало» (CTh, XII, 6, 9). Таким образом, Валентиниан не считал возможным освободить африканских куриалов от коллективной ответственности за сбор налогов, хотя такая льгота и была предоставлена муниципальным землевладельцам других провинций (ср. CTh, VIII, 3, 1; XII, 1, 70)⁸².

Попытки установления некоего «равновесия сил» между сенаторами и муниципальными землевладельцами имели место и при преемниках Валентиниана. Грациан и Валентиниан II, а впоследствии Аркадий и Гонорий запрещали возлагать ответственность за сбор податей с сенаторских земель на куриалов (CTh, XI, 7, 12—383 г.; VI, 3, 2 и 3—396 г.), «чтобы не представлялось случая для нанесения ущерба куриалам» (CTh, VI, 3, 2). Однако в условиях резкого ухудшения внешнеполитического положения империи государство не могло справиться с растущей независимо-

⁸⁰ В связи с ослаблением городов, вызванным политикой Константина, количество строительных, в том числе фортификационных, работ в городах в период его правления резко упало. У о р м и н г т о н (ук. соч., стр. 33) насчитывает для периода 306—337 гг. 16 строительных надписей, а для 284—306 гг. — 52.

⁸¹ А м м. М а г с., XXX, 8, 10: Валентиниан... *bene vestitos oderat et eruditos et opulentos et nobiles*. Ср. P i g a n i o l, ук. соч., стр. 198—199; A. N a g l, *Valentinianus I*, RE, 14 Hb, 2, стб. 2190 сл., A. A l f ö l d i, *A Conflict of Ideas in the Late Roman Empire*, Oxf., 1952, стр. 50 сл.

⁸² У о р м и н г т о н (ук. соч., стр. 53—54) ссылается на то, что аннона будто бы составляла лишь меньшую часть государственных налогов. Это утверждение ни на чем не основано: аннона отождествлялась с основным поземельным налогом и рассматривалась как главная фискальная повинность африканских провинций.

стью от фиска крупных землевладельцев и вновь решило пополнить свою казну за счет куриалов. Уже через год после издания декрета 396 г. Аркадий и Гонорий распорядились, чтобы налоги с сенаторских земель вновь взыскивались куриалами, ссылаясь на трудность сбора этих налогов (СTh, VI, 3, 4). Эти колебания императорской фискальной политики весьма характерны: они показывают, как мало зависело направление этой политики от субъективных стремлений правительства и как сильно определялось оно общей ситуацией внутри империи и на ее границах.

В целом мы должны признать, что, независимо от этих колебаний, африканские города подвергались в IV в. жестокому налоговому гнету. Возникает вопрос, в какой мере этот гнет отражался на положении различных слоев городского населения. В современных исследованиях те или иные налоговые мероприятия Поздней империи обычно рассматриваются как относящиеся к городскому сословию в целом. Между тем императорское правительство явно учитывало социальную неоднородность сословия муниципальных землевладельцев и в известной мере строило на этой неоднородности свою политику по отношению к городам. Интересно отметить, что именно при Константине, с именем которого связаны политические мероприятия, наиболее неблагоприятные для городов, был сделан решающий шаг, обеспечивающий подъем экономического положения африканской городской знати.

В 335 г. Константин запретил привлекать африканских магистратов, жрецов и *flamines perpetuos* к выполнению повинностей, которыми принято облагать куриалов более низкого ранга (СTh, XII, 1, 21). В 337 г. декретом, направленным *ad concilium provinciae Africae*, он предписал освободить от всех обязанностей по анноне *sacerdotales*, *flamines perpetuos* и *duumvirales* (СTh, XII, 5, 2). Таким образом, налоговый иммунитет предоставлялся не только жрецам провинциального культа, представлявшим города в столице провинции (*sacerdotales*), и лицам, исполнявшим когда-либо должность дуумвира, но и значительно более широкой группе — пожизненным жрецам императорского культа (*flamines perpetui*). Судя по данным африканской эпиграфики, можно думать, что коллегия почетных жрецов императорского культа объединяла наиболее состоятельных куриалов, финансировавших различные расходы и занимавших ведущие должности в муниципальном управлении. Из их среды, в частности, вербовались *curatores rei publicae*.

Предоставление налогового иммунитета африканской городской знати в конце правления Константина, видимо, было связано с острой внутренней борьбой, развернувшейся в этот период в африканских провинциях. Освобождение христианских клириков от участия в выплатах налогов, взыскиваемых с городов, вызвало активное сопротивление куриалов. Вопреки императорским распоряжениям, декурионы и городские магистраты (*primores civitatum*) приписывали клириков к куриям и заставляли их платить налоги⁸³. В этом движении, очевидно, выразился протест городского населения против обременительной для городов фискальной политики Константина. Предоставление городским верхам привилегированного положения в налоговой системе должно было расколоть оппозиционное правительству движение и упрочить социальную базу императорской власти в африканских городах.

Если Константин только к концу своего правления был вынужден силой обстоятельств начать проводить более гибкую политику по отношению к африканским городам, то при его преемниках привилегии город-

⁸³ PL, XI, стр. 796 (петиция африканского духовенства Константину), ср. СTh, XVI, 2, 7 (330 г.).

ской знати, видимо, не вызывают сомнения, а во второй половине IV в. даже упрочиваются. Ярким доказательством тому является муниципальный *album* из Тамугади. Сохранившиеся части *album*'а содержат список 156 куриалов (не считая лиц, принадлежащих к сенаторскому и всадническому сословию, государственных чиновников, а также клириков). Имена членов *ordo* располагаются в нисходящем порядке соответственно их положению в городе. Вначале идут *sacerdotales*, затем дуумвиры, *flamines perpetui*, городские жрецы (*pontifices*), авгуры, эдилы и квестор. Далее следуют бывшие магистраты: *duovirales*, *aedilici*, *questorici* и, наконец, остальные куриалы (*non honores functi*). Для всех категорий куриалов, начиная с *aedilici* и включая рядовых членов *ordo*, *album* указывает, являются ли они налогоплательщиками: *aedilici non excusati* (в количестве 6), *questorici non excusati*, 30 *non honores functi excusati* и 43 *non honores functi non excusati*. Для лиц, возглавляющих список, их отношение к фискальным повинностям не указывается: оно, очевидно, не могло вызывать сомнений. Действительно, мы находим здесь категории, перечисленные в декретах Константина от 335 и 337 гг., — двух *sacerdotales*, 32 *flamines perpetui* и 15 *duovirales* (= *duovirales*). Остальные являются действующими магистратами или жрецами. Общее число членов *ordo*, пользующихся налоговым иммунитетом, составляет по меньшей мере 92, из них 62 — действующие или бывшие магистраты и *flamines perpetui*. Мы не можем определить численное соотношение между этим привилегированным слоем и остальными куриалами ввиду фрагментарности надписи, однако совершенно очевидно наличие в Тамугади 60-х годов IV в. весьма внушительной прослойки муниципальных землевладельцев, официально освобожденных от фискальных повинностей.

Характерно, что именно из этой прослойки назначались лица, ведавшие сбором налогов с других куриалов: в числе *flamines perpetui* упоминаются двое сборщиков⁸⁴.

Политика Поздней империи способствовала укреплению не только экономического положения городской знати, но и ее господствующей роли в муниципальных учреждениях. Куратор, подчиняющийся непосредственно провинциальным властям, единолично решает в IV в. вопросы, составлявшие ранее компетенцию коллектива муниципальных землевладельцев — *ordo*. Олигархический характер носили и провинциальные собрания (*provincialia consilia*) — совещания представителей городов каждой провинции, собиравшиеся в поздней Римской Африке, по-видимому, довольно регулярно⁸⁵. Основная функция этих собраний заключалась в защите интересов городов от притеснений провинциальной бюрократии: они обладали правом направлять посольства с жалобами к императору (CTh, XII, 12: *De legatis et decretis legationum*). В состав провинциальных собраний входили, по выражению одного из императорских указов (CTh, XII, 12, 12—392 г.), лица, *qui primatum honorantur insignibus*, т. е. высшие городские магистраты.

Предоставляя экономические и политические привилегии городской знати, позднеримское государство в то же время стремилось сохранить и упрочить ее связь с курией. Любой магистрат считался прикрепленным к курии в такой же степени, как рядовой куриал, его бегство из города рассматривалось как преступление (CTh, XII, 1, 29 — *magistratus desertores Цирты*). Императорское законодательство IV в. проводило принцип обязательного участия представителей муниципальной знати в го-

⁸⁴ *ex(acting)*. Ср. Leschi, *L'Album...*, стр. 72—73.

⁸⁵ CTh, XII, 12, 1 (355 г.); XII, 12, 6 (369 г.); *Am m. Marc.*, XXXVIII, 6, 7 (провинциальное собрание в Триполитании в период правления Валентиниана I). Ср. Piganiol, *ук. соч.*, стр. 320.

родской жизни. Богатые куриалы, добившиеся сенаторского достоинства или каких-либо почетных званий, дававших право на выход из курии, принуждались к выполнению муниципальных должностей. Только в правление Констанция и Константа было издано шесть указов, посвященных такого рода куриалам и относящихся специально к Африке⁸⁶.

Только куриал, прошедший весь муниципальный *cursus honorum*, включая должность куратора, и достигший звания провинциального жреца (*sacerdotium*), получал полное освобождение от всех литургий. В 371 г. таким лицам было присвоено почетное звание *excomes* (СTh, XII, 1, 75). Таким образом, государство, освобождая представителей городской знати от фискальных повинностей, в то же время требовало от них активного участия в расходах на городские нужды.

В целом у нас нет оснований приписывать Поздней империи политику, направленную против городов как определенного социального института. Напротив, политике императоров IV в. свойственно стремление сохранить городскую организацию и сословие муниципальных землевладельцев. Эта политика диктовалась отнюдь не симпатиями отдельных императоров к «муниципальному классу», а объективной необходимостью. Муниципальная организация составляла один из главных элементов, обеспечивавших действенность позднеимперской фискальной системы. Запрещение куриалам покидать свои города было лишь одним из проявлений тенденции к консервированию исторически сложившейся муниципальной организации. В том же направлении действовали и мероприятия, в какой-то мере укреплявшие экономическое положение городов: возвращение им общественных земель, осуществленное Юлианом, законодательное закрепление определенного минимума их доходов, проведенное Валентинианом, строительство общественных зданий в городах на государственный счет. Подобные мероприятия имели своей целью дополнить принудительное прикрепление к курии поддержанием традиционных городских институтов, сохранением внешних форм городской жизни⁸⁷. Создавая привилегированное положение африканской муниципальной аристократии, правительство Поздней империи пыталось с помощью этого слоя приостановить упадок городской жизни. Выполнение представителями городской знати различных литургий должно было создавать иллюзию сохранения города как единого коллектива граждан, помешать стремлению куриалов переходить в другие сословия.

Но фискальные интересы, разумеется, не были единственным фактором, определявшим политику Поздней империи по отношению к городам. Города продолжали в значительной мере сохранять свое значение опоры власти империи в ряде провинций. Ослабление нумидийских и мавретанских городов значительно затруднило бы борьбу с учащающимися вторжениями берберских племен. В то же время в связи с общим обострением социальных противоречий и внешних трудностей правительство было заинтересовано в сохранении в городах преданного Римскому государству верхушечного слоя. Короче говоря, империя не могла существовать без городов, а сохранение городов в условиях жестокого налогового гнета, давившего на основную массу куриалов, покупалось ценой предоставления иммунитета и иных привилегий городской знати.

Налоговая политика позднеимперского государства, увеличивая различия в материальном положении между привилегированной верхушкой

⁸⁶ СTh, XII, 1, 24; 26; 27; 29; 41; 44 (с 338 по 358 гг.).

⁸⁷ В указе от 395 г. (СTh, XV, 1, 32), подтверждавшем распоряжение Валентиниана о выделении $\frac{1}{3}$ городских доходов городу, отмечается, что часть этих доходов должна идти на строительство терм.

муниципального сословия и рядовыми куриалами, тем самым усиливала естественный процесс имущественного расслоения внутри курий. Следует учитывать, что освобождение части муниципальных землевладельцев того или иного города от поземельного налога соответственно увеличивало податное бремя, тяготившее над остальными куриалами. Каждому городу сумма налога определялась пропорционально размеру приписанной к нему территории (по числу центурий), независимо от того, что значительная часть этой территории, принадлежавшая знатным семьям, фактически в уплате податей не участвовала⁸⁸. Таким образом, чем больше земли находилось в собственности этих семей, тем тяжелее были повинности рядовых членов курий. Но не только налоги подрывали их экономическое положение. В том же направлении действовало усиление позиций городской знати. Наиболее состоятельные куриалы, действующие или бывшие магистраты, используя свое господствующее положение в городе, свои привилегии, усиливали давление на маломощных муниципальных землевладельцев. В «Sermones» Августин постоянно возвращается к теме притеснений, которые испытывают бедняки и «рядовые люди» со стороны своих богатых и сильных сограждан⁸⁹. Захват богачами чужих владений, присоединение к своим имениям соседних вилл более слабых куриалов — обычное явление в жизни города⁹⁰. Августин даже жалуется, что о похищении чужой виллы часто советуются с епископом и добиваются от него такого совета (Serm., 137, 11, 14).

Богатые куриалы обладали многими возможностями притеснять своих сограждан. Судя по произведениям Августина, к услугам любого состоятельного гражданина были многочисленные клиенты, с помощью которых он упрочивал свое влияние в городе⁹¹. Пауперизация значительной части городского населения должна была только способствовать развитию частной клиентелы. С помощью клиентов и подкупленных либо запуганных жесвидетелей богачи добивались выгодного исхода судебных тяжб⁹².

Господствующее положение аристократических семей в городах позволяло им извлекать дополнительные выгоды из управления муниципальным хозяйством. Будучи официально освобождены от основного общегосударственного налога, представители городской знати уклонялись и от уплаты местных налогов, взыскиваемых на городские нужды, перелagая всю их тяжесть на рядовых куриалов. В 397 г. Аркадий и Гонорий издали специальный указ, осуждающий распространенную в африканских городах практику принуждения одних куриалов к «выполнению уже выполненной повинности», в то время как другие «еще нимало не вложили в святыни курий» (CJ, X, 32, 52 — proconsuli Africae). Можно полагать, что члены аристократической верхушки захватывали себе немалую часть доходов с общественных городских земель.

Яркую характеристику африканской городской знати — куриалов, выполнявших ранее магистратуры и пользующихся в соответствии с императорским законодательством иммунитетом, дает Сальвиан Марсельский, посетивший Африку в 30-х годах V в. Говоря о лицах, «ранее выполнявших почетные должности», он отмечает, что «почесть дается им

⁸⁸ СTh, XI, 1,3 и 10; ср. D é l é a g e, ук. соч., стр. 230, 239. Сохранившиеся фрагменты фискального тарифа из Карфагена (fr. 51—53, 55, 59, 89; CIL, VIII, 10530; 12552) подтверждают, что размер налога, уплачиваемого городами, определялся числом приписанных к ним центурий. См. S a u m a g n e, Un tarif fiscal..., стр. 129 сл.

⁸⁹ A u g u s t., Serm., 108, 7,7... qui premit civem suum; ср. Serm., 8, 11, 12; 17, 4, 4; 18, 3,3; 41,2; 50, 5,7; 60, 9, 9; 81,5; 113,2,2; 137, 11, 14; 177,4; 178,2, 2; 302, 14, 13; 359,2.

⁹⁰ A u g u s t., Serm., 41,2; 60,9, 9; 137, 11, 14; 178,2,2; 359,2.

⁹¹ A u g u s t., Serm., 62,8, 9; 102,2, 3; 130,5; 302,21, 19; 311, 14, 13; Contra acad., I, 1,2.

⁹² A u g u s t., Serm., 9,2, 2; 50, 5, 7; 60, 9, 9; 107, 8, 9.

однажды только для того, чтобы они всегда имели право разбойничать... Слабых принуждают повиноваться, бедняков вынуждают подчиняться приказаниям, и, если они не подчиняются, их наказывают. В этом отношении такой же порядок, как и в платеже податей: они одни выполняют государственные распоряжения, одни платят подати, их вынуждают свято выполнять то, с чем большие не считаются (*De gub. Dei*, VII, 24).

Мы можем констатировать, что политика позднеримского государства, углубляя имущественную и социальную дифференциацию внутри курий, вела тем самым к разложению коллектива муниципальных землевладельцев, составлявшего социальную основу африканского города. Известные нам факты внутренней жизни городов в IV в. свидетельствуют о глубоком кризисе античной муниципальной организации. Но эта организация все же продолжала существовать. В значительной мере здесь сказывалось консервирующее влияние политики домината, его стремление сочетать фискальную эксплуатацию городов с сохранением их от полного упадка. Эта внутренне противоречивая политика, разумеется, могла достигать своей цели лишь какое-то ограниченное время, но все же в изучаемый нами период она приносила известные плоды.

Было бы, однако, неверным думать, что сохранение городского строя объяснялось исключительно применением принудительных мер: укреплением куриалов к курии, принуждением к выполнению литургий. Вряд ли можно целиком согласиться с Пиганьолем (*ук. соч.*, стр. 356), полагающим, что в условиях Поздней империи магистратуры — это только дорогие литургии, а муниципальная организация — нереальное здание. Приведенные выше данные позволяют заключить, что выполнение литургий не было особенно обременительным делом для богатых куриалов. То положение, которого они достигали в городе, выполняя те или другие магистратуры, давало им самые широкие возможности с лихвой компенсировать свои расходы по финансированию раздач, представлений и строительства городских зданий. Чрезвычайно характерно в этом смысле замечание Августина о сильных людях, которые похищают чужую собственность и затем раздают что-нибудь бедным, считая, что они делают то, что предписано (*Serm.*, 113, 2, 2). Мы можем предполагать, что принуждение со стороны государства не было для богатых куриалов единственным побудительным мотивом выполнения литургий, так же как увещания церкви не могли быть единственным стимулом частной благотворительности. Расходы на благотворительность или городские нужды, отнюдь не разоряя какого-нибудь богатого дуумвира или «пожизненного фламينا», могли только повысить его популярность, обеспечить ему дальнейшее продвижение по муниципальному *cursus honorum*, вплоть до его высших ступеней, что сулило и большие материальные выгоды. Именно опираясь на свое господствующее положение в муниципальной организации, представители городской знати укрепляли и расширяли свои экономические позиции. Это обстоятельство привязывало их к участию в городской жизни сильнее, чем самые строгие императорские распоряжения.

Несмотря на обострение социальных противоречий внутри курий, в существовании муниципальной организации были заинтересованы и объединяемые ею средние и мелкие землевладельцы. Эта организация, обладавшая своими вооруженными отрядами, в какой-то мере гарантировала различным слоям куриалов эксплуатацию ими рабов и зависимого сельского населения. Как показывает рассказ Аммиана Марцеллина (XXVIII, 6,1—24) о событиях в Триполитании в конце 60-х годов IV в., города нередко были вынуждены сами заботиться об организации своей обороны от вторжений берберских племен. В 368 г. население Лептиса во главе с магистратами успешно отразило нападение племени австуриан.

Наконец, в ряде случаев города выступали как единое целое в своих взаимоотношениях с иными социальными и политическими силами. Так было, например, во время конфликта триполитанских городов с комитом Романом, когда видные представители местной знати обратились от имени своих городов с жалобой к Валентиниану и впоследствии были казнены в результате происков комита. Мы не можем также игнорировать значение муниципальной организации для сохранения средних и мелких владений от их поглощения крупной экзимирированной земельной собственностью, которая обладала в Африке IV в. очень сильными позициями.

Решающей предпосылкой существования античного городского строя в африканских провинциях Поздней империи было сохранение значительного слоя средних муниципальных землевладельцев — собственников небольших рабовладельческих хозяйств. Этот слой в IV в. был серьезно ослаблен и испытывал растущий упадок, но все же продолжал составлять основную массу землевладельческого населения городов.

Обзор положения африканских городов в IV в. позволяет сделать, на наш взгляд, два существенных наблюдения. Во-первых, хотя не приходится отрицать факт кризиса городского строя в этот период, кризиса, обусловленного как внутренними процессами разложения, так и воздействием внешних социальных и политических факторов, нельзя преувеличивать размеры этого кризиса. Исследователи, констатирующие для конца III и IV вв. «обеднение и упадок высшего слоя муниципального населения»⁹³ либо «окончательное поражение муниципальных рабовладельцев и землевладельцев» и «разложение всех институтов, характерных для рабовладельческого общества»⁹⁴, правильно отмечая тенденцию исторического развития, несколько опережают события. В африканских провинциях к концу IV в. все еще продолжали существовать определенные социально-экономические условия, способствовавшие сохранению античного города с характерной для него системой собственности на землю. С начала V в. симптомы кризиса городского строя становятся все более явными, а изменение общих социально-политических условий, связанное с завоеванием Северной Африки вандалами, повлекло за собой полный упадок большинства городов. Но изучение этого периода в истории африканских городов выходит за рамки настоящей статьи⁹⁵.

Во-вторых, исследование политики позднеримского государства по отношению к городам показывает, что императоры IV в. придавали большое значение сохранению города как социального института и прослойки зажиточной муниципальной знати. Этот факт важен для понимания социальной сущности позднеримской императорской власти. Отведя особо привилегированное положение в своей государственной системе сенаторскому сословию, доминат пытался в то же время опереться на ту часть господствующего в экономике класса, которая была связана с муниципальной организацией и городской формой собственности на землю. Этот вывод несколько уточняет распространенное представление о социальной политике Поздней империи.

⁹³ Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, М., 1947, стр. 563.

⁹⁴ Е. М. Ш т а е р м а н, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 509.

⁹⁵ См. Г. Г. Д и л и г е н с к и й, Аграрные отношения в Вандальском королевстве, ВВ, т. XI (1956), стр. 5—28.

